

Личная уголовная ответственность в международном праве: эволюция понятия

ЭДУАРДО ГРЕППИ*

Положения международного права, касающиеся военных преступлений и преступлений против человечности, принимались и разрабатывались в рамках международного гуманитарного права или права вооруженного конфликта — отдельной отрасли международного права, обладающей определенными особенностями, которая отмечена интенсивным развитием и значительным укреплением своих позиций, продолжавшимися последние 50 лет.

Положения гуманитарного права, в которых речь идет о международных преступлениях и ответственности за них, не всегда представлялись достаточно ясными. Одной из сложнейших является проблема определения правового характера международных преступлений, совершаемых отдельными лицами и рассматриваемых как серьезные нарушения положений гуманитарного права¹. Что касается традиционного разделения преступлений на три категории — преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, — то в данной работе будут рассматриваться в основном последние две категории, которые более тесно связаны с ключевыми положениями международного гуманитарного права и наиболее актуальны в контексте катаклизмов, потрясающих человечество в конце XX столетия. В самом

* Эдуардо Грелли — адъюнкт-профессор международного права Туринского университета, Италия, сотрудник Международного института гуманитарного права в Сан-Ремо. (Сведения об авторе указаны на момент представления рукописи в редакцию Журнала. — Прим. ред.)

Статья написана на английском языке.

¹ См.: М. С. Bassiouni, P. Nanda. A Treatise on International Criminal Law. Springfield, 1973; S. Glaser. Droit international pénal conventionnel. Brussels, 1970–78; G. Sperduti. Crimini internazionali. — Enciclopedia del diritto, XI, 1962, p. 337; N. Ronzitti. Crimini internazionali. — Enciclopedia giuridica, X, 1988; F. Francioni. Crimini internazionali. — Digesto delle discipline pubblicistiche, IV, 1988, p. 464.

деле, вызывает тревогу происходящий сегодня в мире рост числа конфликтов, которые по своему характеру не являются международными², как это было раньше, и в которых основная проблема, возникающая при классификации правонарушений, состоит, похоже, в том, что грань между военными преступлениями и преступлениями против человечности оказывается размытой. В любом случае оба эти вида преступлений, равно как и преступление геноцида, можно объединить в более широкое понятие *crimina juris gentium*. Категорию преступлений против мира это понятие не охватывает, поскольку у нее менее четкие рамки и некоторые ее характеристики подразумевают тесную связь с вопросами *jus ad bellum*.

В следующем разделе статьи сделана попытка проанализировать развитие понятия преступления в международном праве и международной судебной практике, начиная с наиболее неясных прецедентов (в том числе в далеком прошлом), а затем подробно рассматривая решения Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. Деятельность этих Трибуналов ознаменовала существенную эволюцию права, которая затем еще более четко обозначилась в связи с созданием специальных Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, а также, что не менее важно, в связи с принятием на Дипломатической конференции Римского статута Международного уголовного суда.

В краткой заключительной части статьи делаются общие замечания и обсуждаются перспективы развития системы международного права с учетом различных тенденций, которые проявляются в рамках Организации Объединенных Наций³, особенно в Комиссии международного права.

Военные преступления и преступления против человечности. Происхождение и развитие правовой базы

До Нюрнбергского и Токийского процессов

Уже в Указе об управлении армией, изданном королем Англии Ричардом II в 1386 г., устанавливались ограничения на ведение боевых

2 По проблемам, возникающим в связи с немеждународными вооруженными конфликтами, см.: T. Meron. International Criminalization of Internal Atrocities. — AJIL, 1995, p. 554; T. Градицкий. Личная уголовная ответственность за нарушение международного гуманитарного права, применяемого в ситуации немеждународного вооруженного конфликта. — МЖКК, № 20, март 1998 г., с. 35–68.

3 См.: L. Condorelli, A. La Rosa, S. Scherrer (eds.). Les Nations Unies et le droit international humanitaire/The United Nations and International Humanitarian Law. Paris, Éditions Pedone, 1996.

действий и под страхом смерти запрещались акты насилия в отношении женщин и безоружных священнослужителей, поджог домов и осквернение церквей. Сходные нормы были включены в кодексы, изданные Фердинандом Венгерским в 1526 г., императором Максимилианом II в 1570 г. (там положения гуманитарного характера содержатся в статьях 8 и 9) и королем Швеции Густавом II Адольфом в 1621 г.⁴ Статья 100 Военного кодекса, провозглашенного Густавом II Адольфом, гласила, что никто «да не подвергнет издевательствам священнослужителей, пожилых людей, мужчин и женщин, девушек и детей».

Первый судебный процесс по военным преступлениям, как представляется, состоялся в 1474 г. над Петером фон Хагенбахом⁵. Уже тогда — как и во время Нюрнбергского процесса и после него — наказание обвиняемых увязывалось с решением вопроса о выполнении приказов вышестоящего командования⁶. Карл Смелый, герцог Бургундский (1433–1477), которого недруги называли Карлом Ужасным, назначил губернатором города-крепости Брайзах на Верхнем Рейне Петера фон Хагенбаха. Губернатор, чересчур ретиво исполнявший указания своего правителя, творил в городе произвол, насаждал жестокость и террор, чтобы принудить население Брайзаха к полному повиновению. В практику вошли убийства, изнасилования, незаконное налогообложение и произвольная конфискация частной собственности. Все эти акты насилия совершались и в отношении жителей соседних территорий, включая швейцарских купцов, ехавших на Франкфуртскую ярмарку. Широкая коалиция, в которую объединились Австрия, Франция, Берн, а также города и рыцари Верхнего Рейна, положила конец амбициозным планам могущественного герцога (он претендовал на титул короля и даже

4 См.: *G. Schwarzenberger. International Law as Applied by International Courts and Tribunals*, vol. II: *The Law of Armed Conflict*. London, Stevens, 1968, p. 15; *К. Эгген*. Гуманитарное право в Военном кодексе, опубликованном в качестве декрета в 1621 г. Королем Швеции Густавом II Адольфом. — МЖКК, № 11, июль—август 1996 г., с. 483. Шведский Военный кодекс пользовался в Европе существенным влиянием; в его основу, в свою очередь, были положены первые образцы континентального права XVI в.

5 См.: *G. Schwarzenberger, op. cit.* (примечание 4), p. 462.

6 См.: *Y. Dinstein. The Defence of «Obedience to Superior Orders» in International Law*. Leyden, 1965; *E. Muller-Rappard. L'ordre supérieur militaire et la responsabilité pénale du subordonné*. Paris, 1965; *L. C. Green. Superior Orders in National and International Law*. Leyden, 1976; *G. Sacerdoti. A proposito del caso Priebke: la responsabilità per l'esecuzione di ordini illegittimi costituenti crimini di guerra*. — *Rivista di diritto internazionale*, 1997, p. 130; *P. Gaeta. Rilevanza dell'ordine superiore nel diritto internazionale penale*. — *Rivista di diritto internazionale*, 1998, p. 69.

на корону императора). В результате осады Брайзаха и восстания германских наемников герцога и местных жителей Хагенбах потерпел поражение. Это событие предшествовало битве при Нанси в 1477 г., в которой погиб Карл. Еще за год до гибели Карла эрцгерцог Австрийский, во власти которого оказался взятый в плен Хагенбах, приказал провести судебный процесс над кровавым губернатором. Вместо того, чтобы передать дело в обычный суд, создали специальный военный суд, состоявший из 28 судей союзной коалиции государств и городов. Будучи сувереном города Брайзаха, эрцгерцог Австрийский назначил председательствующего судью. Учитывая состояние дел в Европе в то время (Священная Римская Империя распалась в такой степени, что отношения между ее составными частями вполне можно было назвать Международными, а Швейцария обрела независимость, хотя и не признанную пока формально), можно заключить, что созданный орган был самым настоящим военным судом⁷.

В роли истца на суде выступил представитель эрцгерцога, заявивший, что фон Хагенбах «попрал законы Божеские и человеческие». Конкретно ответчик обвинялся в убийстве, изнасиловании, лжесвидетельстве и других преступлениях, включая отдавание приказов наемникам, которые не являлись немцами, убивать мужчин в домах, где они были расквартированы, чтобы женщины и дети оказались целиком в их власти. Защита Хагенбаха использовала в основном аргумент об исполнении приказов вышестоящего командования, утверждая, что «господин Петер фон Хагенбах не признает никакого другого судьи и господина, кроме герцога Бургундского», чьих приказов он не мог ослушаться. «Разве неизвестно, что солдаты обязаны беспрекословно подчиняться своим командирам?» Этот основной аргумент подкреплялся тем, что сам герцог лично задним числом подтвердил и одобрил «все, что было совершено от его имени». Фон Хагенбах подал прошение об отсрочке, чтобы запросить подтверждения своих действий со стороны герцога, однако получил отказ трибунала, который счел эту просьбу противной Божеским законам, а вину ответчика установленной вне всякого сомнения. Поэтому трибунал признал ответчика виновным, и лишившийся рыцарского зва-

7 По мнению Шварценбергера, в рамках квазимеждународного права, характерной чертой которого является «состояние фактического равенства, когда субъекты строят свои взаимоотношения так, как если бы они были субъектами международного права», Священная Римская Империя «пришла в такой упадок, что отношения между ее составными частями трудно было отличить от международных отношений». *Op. cit.* (примечание 4), p. 464.

ния и соответствующих привилегий (поскольку он совершил преступления, которые был обязан предотвратить) фон Хагенбах был казнен по приказу маршала: «Да свершится правосудие!»

Данное дело чрезвычайно интересно по ряду причин. С одной стороны, нелегко квалифицировать рассматриваемые деяния как военные преступления, поскольку большая их часть совершалась до формального начала боевых действий. С другой стороны, в те времена, как и сегодня, трудно оказывалось провести границу между миром и войной, которая была более размытой, чем в последующие века. Как бы то ни было, Брайзах надлежало считать оккупированной территорией. Кроме того, даже если данные деяния сложно квалифицировать как военные преступления, они тем не менее могут рассматриваться как ранние проявления того, что известно под названием «преступления против человечности».

Прошло несколько веков, прежде чем была создана база, позволяющая вменять в вину отдельным лицам военные преступления, которые считаются серьезными нарушениями права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Во время гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.) президент Авраам Линкольн издал Кодекс Либеры («Инструкции полевым войскам США», Общий приказ № 100 от 24 апреля 1863 г.)⁸. Разработанный Фрэнсисом Либером, профессором права Колумбийского колледжа в Нью-Йорке, и рассмотренный советом офицеров данный документ представляет собой первую попытку кодифицировать законы войны. Согласно статье 44 Кодекса, любое умышленно совершаемое насилие, направленное против лиц, проживающих в завоеванной стране, любое уничтожение имущества, все виды грабежа и мародерства и все виды изнасилования, нанесения ранений, увечий или убийство жителей завоеванной страны являются наказуемыми (данные деяния четко подпадают под определение военных преступлений). В статье 47 говорится, что преступления, наказуемые согласно всем уголовным кодексам, такие как поджог, убийство, нанесение увечий, совершение нападения, грабеж на дорогах, ограбление, мошенничество, подлог и изнасилование, совершенные американским солдатом на территории государства противника, рассматриваются так, как если бы они были совершены на своей собственной территории, и сурово наказываются. Хотя Кодекс Либеры пред-

⁸ См. текст в *D. Schindler, J. Toman. The Laws of Armed Conflicts: A Collection of Conventions, Resolutions and other Documents. Dordrecht—Geneva, Martinus Nijhoff—Henry Dunant Institute, 3rd ed., 1988, p. 5.*

назначался и был обязателен только для американских солдат, он оказал существенное влияние на военные уставы армий других государств.

Следующий рывок был сделан в XX столетии. После Первой мировой войны был подписан Версальский договор от 28 июня 1919 г., в статьях 228 и 229 которого устанавливалось право союзных держав подвергать суду и наказанию отдельных лиц, ответственных за нарушение законов и обычаев войны⁹. В частности, статья 228 обуславливала, что правительство Германии признает право союзных и действующих совместно с ними держав предавать военному трибуналу лиц, обвиняемых в совершении деяний в нарушение законов и обычаев войны. В силу этого правительство Германии было обязано выдать всех обвиняемых лиц, чтобы они могли предстать перед военным трибуналом союзников. Для случаев, когда лицо виновно в совершении преступных деяний против граждан более чем одной из союзных и действующих совместно с ними держав, предусматривалась возможность учреждения международного трибунала.

Более того, согласно статье 227 кайзер Вильгельм II Гогенцоллерн нес ответственность за величайшее преступление, совершенное против международной морали и неприкосновенности договоров, и союзные державы решили основать «специальный трибунал», состоящий из судей, назначаемых Соединенными Штатами, Великобританией, Францией, Италией и Японией для судебного преследования обвиняемых. В статье было сказано, что в своем решении трибунал будет руководствоваться высшими побуждениями международной политики, действуя во имя защиты священных международных обязательств и поддержания международной морали. Державы также договорились обратиться к правительству Нидерландов с просьбой о выдаче императора, однако эта инициатива потерпела неудачу. Как мы видим, положения данной статьи предвосхитили определение категории «преступления против мира», которое появилось после Второй мировой войны.

Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. и Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными не содержали правил о наказании отдельных лиц, нарушивших их положения¹⁰. Лишь в статье 30 Женев-

⁹ См. текст в *The Treaties of Peace 1919–1923*, vol. I. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1924, p. 121.

¹⁰ См. текст в *J. B. Scott. The Hague Conventions and Declarations of 1899 and 1907*. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1915; *D. Schindler, J. Toman, op. cit.* (примечание 8).

ской конвенции 1929 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях имеется довольно малоэффективное правило подобного рода¹¹. Однако ссылки на эти Конвенции будут сделаны позднее в приговоре Нюрнбергского трибунала.

Нюрнбергский и Токийский международные трибуналы

Только после Второй мировой войны в мировом сообществе начало формироваться движение, направленное на более глубокое осознание необходимости преследовать серьезные нарушения законов войны¹², причем это касалось как традиционной ответственности государств¹³, так и ответственности отдельных лиц¹⁴. Ужасные преступления, совершенные нацистами и японцами, привели к скорому заключению соглашения между союзными державами, а затем к учреждению Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов «для суда над военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, независимо от того, будут ли они обвиняться индивидуально, или в качестве членов организаций, или групп,

11 «On the request of a belligerent, an enquiry shall be instituted, in a manner to be decided between the interested parties, concerning any alleged violation of the Convention; when such violation has been established the belligerents shall put an end to and repress it as promptly as possible». («По просьбе воюющей стороны возбуждается расследование в форме, устанавливаемой по соглашению заинтересованных сторон, в отношении любого нарушения Конвенции; после установления факта подобного нарушения воюющие стороны обязаны положить ему конец и безотлагательно пресечь» (Art. 30). — *Перевод МККК.*) Текст цитируется по изданию *D. Schindler, J. Toman, op. cit.* (примечание 8), p. 325.

12 «Serious violations of the laws and customs of war» is a broader concept than that of «grave breaches». В русском переводе документов международного гуманитарного права термины «serious violations» и «grave breaches» переводятся как «серьезные нарушения». — *Прим. переводчика.*

13 Об ответственности государств см. *R. Ago. Scritti sulla responsabilità internazionale degli Stati*, 2 vol. Napoli, 1978–1986; *I. Brownlie. State Responsibility*. Oxford, 1983. О преступлениях государства см. также *J. Weiler, A. Cassese, M. Spinedi* (eds.). *International Crimes of State*. Berlin, 1989; *G. Carella. La responsabilità dello Stato per crimini internazionali*. Napoli, 1985; *A. Cassese. Remarks on the Present Legal Regulation of Crimes of States; B. Conforti. In tema di responsabilità degli Stati per crimini internazionali; M. Sahovic. Le concept du crime international de l'État et le développement du droit international*. — *Essays in Honour of Roberto Ago*. Milano, 1987.

14 «Pour la première fois, les crimes de guerre, les crimes contre la paix, les crimes contre l'humanité sont expressément prévus et définis dans leurs éléments constitutifs par un texte conventionnel», *P. Daillier, A. Pellet. Droit international public*. Paris, 1999, p. 676. «Впервые элементы таких преступлений, как военные преступления, преступления против мира, преступления против человечности, явным образом предусмотрены и определены в договорном документе». (*Перевод МККК.*) См. также *D. W. Greig. International Law*. London, 1976, p. 115; *M. Giuliano, T. Scovazzi, T. Treves. Diritto internazionale*. Milano, Parte generale. 1991, p. 183.

или в том и другом качестве»¹⁵. В юрисдикцию этих Трибуналов вошли также новые категории преступлений против человечности¹⁶ и преступлений против мира.

В статье 6 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала установлена правовая основа для привлечения к судебной ответственности лиц, обвиняемых в следующих деяниях:

- *преступления против мира*, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров¹⁷, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из вышеперечисленных действий;
- *военные преступления*, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся: убийства, дурное обращение или увод на рабский труд или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или дурное обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море; убийства заложников; разграбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень; разорение, неоправдываемое военной необходимостью, и другие преступления;
- *преступления против человечности*, а именно: убийства, истребление, порабощение, высылка и другие бесчеловечные акты, совершаемые в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, осуществляемые при совершении любого преступления, подлежащего юрисдикции Трибунала, или в связи с любым таким преступлением независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет¹⁸.

15 Статья 1 Соглашения между правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси, см. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций». Вып. XI, Москва, 1955, с. 48.

16 См.: E. Schwelb. Crimes Against Humanity. — BYIL, 1946, p. 178; J. Graven. Les crimes contre l'humanité. — RCADI, 1950, I, p. 427; M. C. Bassiouni. Crimes Against Humanity in International Criminal Law. Dordrecht, 1992; E. Zoller. La définition des crimes contre l'humanité. — Journal du droit international 1993, p. 549.

17 В отличие от статьи 227 Версальского договора данная формулировка не содержит более ссылки на «неприкосновенность договоров».

18 Аналогичное, хотя и менее развернутое, положение содержится в статье 5 Устава Токийского трибунала.

Что касается юрисдикции *ratione personae*, она распространялась на участвовавших в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых из вышеупомянутых преступлений, «руководителей, организаторов, подстрекателей и пособников»; они привлекались к ответственности за «все действия, совершенные какими-либо лицами в целях осуществления такого плана».

Наследие Нюрнбергского и Токийского процессов в международном праве

В ходе Нюрнбергского и, в меньшей степени, Токийского процессов был принят целый ряд решений, оказавших большое влияние на формирование прецедентного права, которое касается личной уголовной ответственности по международному праву¹⁹. Опыт судебной практики Нюрнберга и Токио положил начало постепенному процессу четкого формулирования и укрепления принципов и норм, в ходе которого государства и международные организации (речь идет об Организации Объединенных Наций и Международном Комитете Красного Креста) выступили с инициативой закрепления этих принципов и норм путем принятия договоров. Еще 11 декабря 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла резолюцию 95(I) под названием «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала»²⁰. Приняв во внимание Лондонское соглашение от 8 августа 1945 г. и прилагаемый к нему Устав (а также аналогичные документы Токийского трибунала), Генеральная Ассамблея предприняла два важных шага. Первый имел существенное юридическое значение: Генеральная Ассамблея подтвердила принципы международного права, признанные как в Уставе, так и в Приговоре Нюрнбергского трибунала. Это означало, что, с точки зрения Генеральной Ассамблеи, Трибунал принял во внимание уже существующие принципы международного права, которые

¹⁹ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, Nuremberg, 14 November 1945 — 1 October 1946. Official Documents and Proceedings, Nuremberg, 1947. См. также: T. Taylor. The Anatomy of the Nuremberg Trials. New York, 1992; R. H. Jackson. The Nürnberg Case. New York, 1948, and «The Case Against the Nazi War Criminals». New York, 1945; H. Donnedieu de Vabres. Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international. — RCADI, 1947, I, p. 481; M. Merle. Le procès de Nuremberg et le châtement des grands criminels de guerre. Paris, 1949; Schwarzenberger, *op. cit.* (примечание 4), p. 467; G. Ginsburg, V. Kuriastev (eds.). The Nuremberg Trial and International Law. Dordrecht, 1990. По Токийскому трибуналу см.: B. Röling, A. Cassese. The Tokyo Trial and Beyond. Oxford, 1993.

²⁰ D. Schindler, J. Toman, *op. cit.* (примечание 8), p. 921.

суду оставалось лишь «признать». Второй шаг выражался в готовности поручить Комиссии международного права Генеральной Ассамблеи ООН кодификацию данных принципов. Настоящей резолюцией ООН подтвердила существование ряда общих принципов, относящихся к обычному праву, которые были «признаны» Уставом и отражены в Приговоре Нюрнбергского трибунала и которые представлялось необходимым включить в основной кодификационный инструмент (путем «общей кодификации преступлений против мира и безопасности человечества» или даже в виде «международного уголовного кодекса»). Кроме того, резолюция признала обычный характер положений Лондонского соглашения²¹.

В 1950 г. Комиссия международного права утвердила отчет по «Принципам международного права, признанным Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшим выражение в Приговоре этого Трибунала»²². В отчете Комиссии не ставится вопрос о том, являются ли (и в какой степени) эти принципы частью позитивного международного права. Генеральная Ассамблея уже «подтвердила», что эти принципы являются частью международного права. Поэтому Комиссия международного права ограничилась разработкой содержания этих принципов.

Принцип I гласит, что «всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию». В данном принципе содержится формальное признание того факта, что индивидуум — в широком смысле («всякое лицо») — может быть привлечен к ответственности за совершение преступления. И это может быть справедливо даже тогда, когда совершенное деяние не является преступлением согласно национальному законодательству (Принцип II). Принципы III и IV гласят, что обстоятельства, когда лицо действует в качестве главы государства или должностного лица правительства или же во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождают это лицо от ответственности. Эти два принципа подтверждают положения статей 7 и 8 Устава Нюрнбергского трибунала. Статья 8 о приказах начальника допускает возможность смягчения наказания, «если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

21 «С тех пор статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала стала частью общего международного права». *I. Brownlie*. *Principles of Public International Law*. Oxford, 1991, p. 562. На ту же тему см. *M. Shaw*. *International Law*. Cambridge, 1998, p. 471; *P. Daillier, A. Pellet, op. cit.* (примечание 14), p. 677.

22 *D. Schindler, J. Toman, op. cit.* (примечание 8), p. 923.

Принцип IV, установленный Комиссией, видоизменяет этот подход: лицо не освобождается от ответственности, «если сознательный выбор был фактически для него возможен». Это предоставляет большие дискреционные полномочия трибуналам, которые призваны решать, была ли у лица возможность сделать «сознательный выбор» в пользу отказа от выполнения приказа вышестоящего начальника.

В Принципе VI кодифицируются три категории преступлений, установленные статьей 6 Устава Нюрнбергского трибунала. То, что в Лондонском соглашении определялось как «преступления, подлежащие юрисдикции Трибунала», теперь получило формулировку «международно-правовых преступлений», использованную также в статье 6. Подтверждение Нюрнбергских принципов в резолюции Генеральной Ассамблеи 1946 г. и их формулирование Комиссией международного права были важными шагами, сделанными в направлении утверждения кодекса международных преступлений, которые влекут за собой личную ответственность. Однако многое еще предстояло сделать.

Так, 9 декабря 1948 г., накануне принятия Всеобщей декларации прав человека, в результате существенного развития, которое претерпело понятие преступлений против человечности, единогласно 56 голосами была принята Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него²³. Конвенция, вступившая в силу 12 января 1961 г., четко относит геноцид, совершаемый как в мирное, так и в военное время, в разряд преступлений согласно международному праву. Статья II определяет геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу», такие как убийство членов такой группы; причинение им серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы; насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Согласно статье III Конвенции, подобные действия считаются наказуемыми, как и различные степени участия в них: заговор с целью совершения геноцида, прямое и публичное подстрекательство;

23 D. Schindler, J. Toman, *op. cit.* (примечание 8), p. 231. См. также I. Brownlie, *op. cit.* (примечание 21), p. 562; R. Lemkin. Genocide as a Crime under International Law. — AJIL, 1947, p. 145; J. L. Kunz. The United Nations Convention on Genocide. — AJIL, 1949, p. 738; N. Robinson. The Genocide Convention: A Commentary. New York, 1960.

тельство к совершению геноцида, покушение на совершение геноцида и соучастие в нем. Однако именно статья IV устанавливает обязательство наказывать не только «правителей» и «должностных лиц», но и «частных лиц». В статье 6 судебное преследование правонарушителей включается в компетенцию как национальных, так и международных судов.

Следовательно, эта важная Конвенция вводит новую категорию преступлений по международному праву, непосредственно связанную с правовой категорией, уже установленной статьей 6 Устава Нюрнбергского трибунала, — преступлениями против человечности. Здесь международное договорное право также далеко выходит за традиционные рамки определения ответственности государств: его положения подчеркивают, что обязательства, налагаемые определенной отраслью международного права, далеко не в последнюю очередь относятся и к частным лицам. Развивая предыдущие документы, Конвенция о геноциде дает широкое определение преступления геноцида и различных степеней участия в нем (прямые действия, заговор, покушение, соучастие). Обычный характер принципов, лежащих в основе Конвенции, признан Международным судом²⁴.

Вскоре после этого вся система договоров по защите жертв войны видоизменилась благодаря принятию четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., разработанных по инициативе МККК и явившихся отражением трагических событий Второй мировой войны²⁵. Государства-участники этих Конвенций берут на себя основное общее обязательство «соблюдать и заставлять соблюдать» их положения «во всех обстоятельствах» (статья 1, общая для всех четырех Конвенций). В каждой из Женевских конвенций целая глава посвящена деяниям, совершаемым против покровительствуемых лиц. Они называются «серьезными нарушениями»²⁶, а не военными преступлениями²⁷, однако безусловно являются преступлениями согласно международному праву. Эти действия

24 Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide. Advisory Opinion of 18 May 1951. — I. C. J. Reports, 1951, p. 23.

25 D. Schindler, J. Toman, *op. cit.* (примечание 8), p. 367. См. также «Комментарии» под общей редакцией Жана С. Пикте, Geneva, ICRC, 1952–1956; G. I. A. D. Draper. The Geneva Conventions of 1949. — RCADI, 1965, I, p. 59.

26 G. Doucet. La qualification des infractions graves au droit international humanitaire. — F. Kalshoven, Y. Sandoz (eds.). Implementation of International Humanitarian Law. Dordrecht—Boston—London, 1987, p. 79.

27 Однако серьезные нарушения, несомненно, представляют собой «военные преступления». См.: I. Brownlie, *op. cit.* (примечание 21), p. 563; J. A. C. Gutteridge. The Geneva Conventions of 1949. — BYIL, 1949, p. 294.

подробно определяются в статье 50 Конвенции I, статье 51 Конвенции II, статье 130 Конвенции III и статье 147 Конвенции IV и включают такие преступления, как преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное отношение (включая биологические эксперименты), преднамеренное причинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, широкомасштабное разрушение и присвоение имущества, принуждение военнопленного служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение его права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, незаконная депортация, перемещение или арест покровительствуемого лица и взятие заложников, «проводимые произвольно и в большом масштабе» и «не вызываемые военной необходимостью». Что же касается сферы применения *ratione personae*, то в Конвенциях устанавливается ответственность непосредственных исполнителей этих серьезных нарушений и их начальников. В действительности сфера применения положений Конвенций весьма широка, поскольку слово «лицо» включает в себя как гражданских лиц, так и комбатантов, служащих в официальных и неофициальных вооруженных формированиях.

Гагская конвенция от 14 мая 1954 г. о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта обязывает договаривающиеся стороны защищать то, что называется «культурным наследием всего человечества». Они должны «принимать, в рамках своего уголовного законодательства, все меры, необходимые для того, чтобы были выявлены и подвергнуты уголовным или дисциплинарным санкциям» лица, «нарушившие или приказавшие нарушить» данную Конвенцию²⁸.

Два Дополнительных протокола 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. добавили более точные нормы к системе, которая стала широкой правовой системой²⁹. В частности, статья 11 усиливает защиту отдельных лиц в том, что касается их физического или психического здоровья

²⁸ Статья 28, *D. Schindler, J. Toman, op. cit.* (примечание 8), p. 745. Статья 85, пункт 4d, Протокола I от 1977 г. также при определенных условиях объявляет военными преступлениями нападения на исторические памятники, произведения искусства или места отправления культа. См.: *M. Frigo. La protezione dei beni culturali nel diritto internazionale.* Milano, 1986; *J. Toman. The Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict.* Paris, 1996.

²⁹ Тексты в издании *D. Schindler, J. Toman, op. cit.* (примечание 8), p. 621. См. также *Y. Sandoz, C. Swinarski, B. Zimmermann* (eds.). *Commentary on the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949.* Geneva, ICRC — Martinus Nijhoff, 1987. (См. также «Комментарий к Дополнительному протоколу к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемуся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II)». Москва, МККК, 1998.)

и неприкосновенности, объявляя действия или преднамеренные ущемления, существенно им угрожающие, серьезными нарушениями международного гуманитарного права. Более того, статья 85 добавляет целый ряд нарушений к уже имеющемуся перечню серьезных нарушений. К тому же, согласно статье 1 Протокола I, стороны обязуются «соблюдать настоящий Протокол и обеспечивать его соблюдение при любых обстоятельствах».

Развитие права в 90-х гг.: от специальных Трибуналов к Международному уголовному суду

Важным этапом длительного процесса разработки норм, касающихся личной уголовной ответственности по международному праву, явилось учреждение двух специальных Трибуналов для судебного преследования лиц, совершивших преступления в бывшей Югославии (МУТЮ) и в Руанде (МУТР). Их создание свидетельствует о важном прогрессе в деле учреждения постоянно действующего судебного органа. Кроме этого, они также прояснили суть того, что оформляется в виде международного уголовного кодекса по смыслу резолюции 95(I) Генеральной Ассамблеи ООН³⁰.

В резолюциях Совета Безопасности ООН, касающихся учреждения трибуналов для преследования отдельных лиц, виновных в преступлениях, совершенных в бывшей Югославии и Руанде, содержатся положения о деяниях, наказуемых в соответствии с международным правом³¹. В частности, в статьях 2, 3, 4 и 5 Устава Международного три-

30 *Op. cit.* (примечание 20).

31 Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии с 1991 г., принятый 25 мая 1993 г. резолюцией 827/1993 Совета Безопасности ООН; текст Устава см. в документе ООН S/25704 (1993). См. также *E. David*. Le Tribunal international pénal pour l'ex-Yougoslavie. — *Revue belge de droit international* 1992, p. 565; *A. Pellet*. Le tribunal criminel international pour l'ex-Yougoslavie — Poudre aux yeux ou avancée décisive? — *Revue générale de droit international public*, 1994, p. 7; *D. Shraga*, *R. Zacklin*. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — *European Journal of International Law*, 1994, p. 360; *A. Cassese*. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia. — *Studi Panzera*, Bari, 1995, I, p. 235; *G. Carella*. Il Tribunale penale internazionale per la ex-Yugoslavia. — *P. Picone* (ed.). *Interventi delle Nazioni Unite e diritto internazionale*. Padova, 1995, p. 463; *Поль Тавернье*. Опыт Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде и *Мари-Клод Роберж*. Юрисдикция специальных Трибуналов для бывшей Югославии и для Руанды в отношении преступлений против человечности и геноцида. — МЖКК, № 19, ноябрь—декабрь 1997 г., с. 699 и 753 соответственно.

бунала по бывшей Югославии перечисляются различные преступления, подпадающие под юрисдикцию этого судебного органа. Статья 2, посвященная серьезным нарушениям Женевских конвенций 1949 г., наделяет Трибунал полномочиями осуществлять судебное преследование лиц, «которые совершают или отдают приказ о совершении» таких серьезных нарушений. Статья 3 расширяет юрисдикцию Трибунала, включая в нее нарушения законов и обычаев войны. В статье 4 воспроизводятся статьи II и III Конвенции 1948 г. о геноциде.

Статья 5 наделяет Трибунал полномочиями на осуществление судебного преследования лиц, виновных в преступлениях, совершенных против гражданских лиц во время вооруженного конфликта, «будь то международного или внутреннего характера». Согласно традиции, уже закрепленной в документах, статья 7 широко определяет сферу «личной уголовной ответственности», относя к ней любое лицо, которое «планировало, подстрекало, приказывало, совершало или иным образом содействовало или подстрекало к планированию, подготовке или совершению преступления». Ответственность лица, занимающего должностное положение главы государства или правительства или ответственного чиновника, а также последствия приказов начальства рассматриваются в статье 7 в том же ключе, что и в Уставе Нюрнбергского трибунала и в отчете Комиссии международного права 1950 г. (Принципы III и IV). Как и в статье 8 Устава Нюрнбергского трибунала, здесь упоминается возможность смягчения наказания, «если Международный трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».

Устав Трибунала по Руанде сформулирован несколько иначе, но общая концепция, которую отражают его положения, мало чем отличается от концепции Устава Трибунала по бывшей Югославии³².

Сегодня весь этот огромный свод принципов и норм, все это правовое наследие естественным образом закреплены в едином документе — Римском статуте Международного уголовного суда, принятом Дипломатической конференцией ООН 17 июля 1998 г.³³ В статьях с 5-й

32 В этом Уставе геноцид и преступления против человечности упоминаются первыми в перечне, имеются также ссылки на общую статью 3 Женевских конвенций и на Дополнительный протокол II. Эти отличия объясняются спецификой конфликта в Руанде.

33 UN Doc. A/CONF. 183/9. Final Act: UN Doc. A/CONF. 183/10. См. также *F. Lattanzi* (ed.). *The International Criminal Court: Comments on the Draft Statute*. Napoli, 1998; *F. Lattanzi, E. Sciso* (eds.). *Dai Tribunali penali international ad hoc a una Corte permanente*. Napoli, 1996; *P. Ungari, M. P. Pietrosanti Malintoppi*. *Verso un Tribunale permanente internazionale sui crimini contro l'umanità*. Roma, 1997.

по 8-ю Статута даются определения преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда. Это «самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества» (статья 5). Такое определение является всеобъемлющим и охватывает в наиболее общей форме серьезные нарушения как Женевских конвенций, так и законов и обычаев войны в целом. Эти правонарушения противоречат правовым и этическим нормам и принципам международного сообщества.

Римский статут оперирует новой типологией преступлений. Теперь они подразделяются на четыре категории вместо трех: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. Как уже указывалось ранее, этот документ оставляет в стороне вопрос о том, представляет ли собой преступление агрессии «преступление против мира», как оно определяется в Уставе Нюрнбергского трибунала, или «преступление против мира и безопасности человечества», как оно определяется в проекте Кодекса, подготовленном Комиссией международного права. Статья 6 Римского статута дословно воспроизводит положения Конвенции 1948 г. о геноциде и является еще одним шагом к осуществлению кодификации общепринятых норм и принципов. Основная же эволюция, происшедшая в отношении преступлений против человечности и военных преступлений, отражена в статьях 7 и 8. Здесь на смену положениям статьи 6 Устава Нюрнбергского трибунала и их последующим формулировкам пришли детальные положения.

«Преступление против человечности» означает — по наиболее исчерпывающему определению — деяние, осуществленное «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно» (статья 7)³⁴. Это определение относится к общему международному обычному праву; оно было дано в нескольких документах, последовавших за Уставом Нюрнбергского трибунала и его статьей 6. Четкое указание на то, что является преступлением против человечности, дается в решении Международного трибунала по бывшей Югославии по делу Эрдемовича: «Преступления против человечности являются вопиющими актами насилия, которые наносят удар по самому главному, что есть у человека: его жизни, свободе, физическому здоровью, благополучию и достоинству. Это бесчеловечные деяния, которые по своим масштабам и серьез-

³⁴ Donat-Cattin. Crimes Against Humanity. — F. Lattanzi (ed.), *op. cit.* (примечание 33), p. 49.

ности превышают пределы, которые международное сообщество может терпеть, что вынуждает его требовать их наказания. Но преступления против человечности затрагивают больше, чем отдельную личность, потому что когда преступному посягательству подвергается человек, то тем самым объектом нападения и отрицания становится человечность. Поэтому существенной характеристикой преступлений против человечности является концепция человечности как жертвы»³⁵ (перевод МККК). Очевидно, что при таком подходе не делаются различия между войной и миром, между международными и внутренними вооруженными конфликтами³⁶. Ключевым принципом здесь является само понятие человечности. Отдельное лицо — жертва — выступает как часть более широкой категории — человечества. Данный принцип перекликается с оговоркой Мартенса, закрепленной в IV Гаагской конвенции 1907 г. (в преамбуле к этой Конвенции делается ссылка на «начала международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания»), а также подтверждается статьей 1 Дополнительного протокола I³⁷.

Структура статьи 7, состоящей из двух основных частей, отражает новую концепцию: в первой части статьи перечисляются деяния, представляющие собой преступления против человечности, а во второй даются определения некоторых из них. Включение в перечень преступлений против человечности убийств, истребления, порабощения и депортации просто подтверждает концепцию, унаследованную от Нюрнбергского трибунала. То, что в Уставе Нюрнбергского трибунала определялось общей ссылкой как «другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения», в Римском статуте превращается в перечень деяний, составленный с учетом трагического опыта различных народов, приобретенного за последние 50 лет во время международных и внутренних конфликтов, и даже в период так называемого

35 Decision of 29 November 1996, UD Doc. IT-96-22-T.

36 Данный принцип уже был сформулирован в решении МУТЮ по делу Тадича от 7 мая 1997 г., UN Doc. IT-94-1-T. В Уставе Трибунала по Руанде также не проводится подобного различия, поскольку большая часть преступлений, совершенных на начальном этапе событий в Руанде, не могут рассматриваться как преступления в ситуации конфликта.

37 См.: S. Miyazaki. *The Martens Clause and International Humanitarian Law*. — C. Swinarsky (ed.). *Studies and Essays in Honour of Jean Pictet*. Geneva, ICRC, 1984, p. 433; P. Benvenuti. *La clausola Martens e la tradizione classica del diritto naturale nella codificazione del diritto dei conflitti armati*. — *Scritti degli allievi in onore di Giuseppe Barile*. Padova, 1995, p. 171.

мира: «Заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права; пытки, изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести; насильственное исчезновение людей; преступление апартеида». Каждое из этих деяний определяется во второй части статьи 7. Как мы видим, значительное число этих преступлений носит сексуальный характер. Со времен дела Хагенбаха поведение некоторых людей в ситуациях конфликта и других ситуациях насилия далеко перешло за рамки того, что считалось тогда преступлением изнасилования: сегодня такие преступления приобрели «широкомасштабный» и «систематический» характер³⁸. Однако тяжесть преступления всегда оценивалась одинаково: «Если кто оскорбит насилием женщину и дело будет доказано, то да умрет за это»³⁹. Более того, деяния, совершенные в бывшей Югославии, породили понятие «этнических чисток», которое МУТЮ комментировал, в частности, в решении «Review of Indictment against Karadzic and Mladic»⁴⁰. Перечень, представленный в статье 7, завершает формулировка общего характера: «...другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью». Такое определение позволяет в будущем добавлять к данному перечню другие деяния, поскольку уголовные дела, рассматриваемые в национальных и международных судах, свидетельствуют о том, что люди вполне способны расширить эту категорию преступлений, которые являются грубейшим посягательством на саму идею человечности.

В статье 8 Римского статута представлена традиционная концепция военных преступлений. Если сравнить приведенный в ней перечень с тем, что содержится в статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала, то становится очевидно, что процесс определения различных деяний в качестве военных преступлений получил значительное развитие, что привело к их расширенной и более подробной кодификации⁴¹.

38 См.: *T. Meron. Rape as a Crime under International Humanitarian Law.* — *AJIL*, 1993, p. 424; *K. D. Askin. War Crimes against Women, Prosecution in International Law.* The Hague, 1997.

39 Статья 88 Военного кодекса, см. *К. Эгрен, op. cit.* (примечание 4).

40 UN Doc. IT-95-5-R61.

41 См.: *H. H. Jescheck. War Crimes.* — *Encyclopedia of Public International Law*, 4, p. 294; *Y. Dinstein, M. Tabory (eds.). War Crimes in International Law.* The Hague—Boston—

Военные преступления в широком смысле подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда, в частности, когда они «совершены в рамках плана или политики или при крупномасштабном совершении таких преступлений» (статья 8). Это означает, что Международный уголовный суд обладает юрисдикцией также в отношении преступлений, совершенных отдельными лицами⁴². Он может судить за преступления нескольких категорий. Первая — серьезные нарушения Женевских конвенций. Вторая охватывает «другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права». Следующий за этим перечень чрезвычайно подробен и отражает 26 видов поведения или деяний. Это самый длинный перечень преступлений из когда-либо включенных в международный документ обязательного характера. К третьей категории принадлежат серьезные нарушения статьи 3, общей для всех Женевских конвенций, которая касается вооруженных конфликтов немеждународного характера и охватывает деяния, совершаемые против лиц, которые не принимают активного участия в боевых действиях (такие как посягательство на жизнь и личность, в частности убийство в любой форме, причинение увечий, жестокое обращение и пытки; посягательство на человеческое достоинство, в частности оскорбительное обращение, взятие заложников и отказ от предоставления судебных гарантий, признанных «обязательными»). К четвертой категории относятся «другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в вооруженных конфликтах немеждународного характера». За последними двумя категориями следуют оговорки, исключающие из юрисдикции Суда деяния, совершаемые в ситуациях нарушения внутреннего порядка и возникновения напряженности, таких как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия или «иные акты аналогичного характера». Статут

London, 1996; T. L. H. McCormack, J. Simpson (eds.). *The Law of War Crimes. National and International Approaches*. The Hague—Boston—London, 1997; P. Lamberti Zanardi, G. Venturini (eds.). *Crimini di guerra e competenza delle giurisdizioni nazionali*. Milano, 1998; C. Keith Hall. *The Jurisdiction of the Permanent International Criminal Court over Violations of Humanitarian Law*. — F. Lattanzi, *op. cit.* (примечание 33), p. 19; M. Lachs. *War Crimes: An Attempt to Define the Issues*. London, 1945. P. Daillier, A. Pellet, *op. cit.* (примечание 14), p. 679: «La structure interne d'apparence complexe répond à un souci d'efficacité face à la diversité des conflits armés — internationaux et non internationaux — et à l'opposabilité variable des acquis conventionnels de 1949 et de 1977 aux États».

⁴² Мари-Клод Роберж. Новый Международный уголовный суд. Предварительная оценка. — МЖКК, № 23, декабрь 1998 г., с. 797.

явным образом признает общее право государств на поддержание или восстановление закона и порядка или на защиту их единства и территориальной целостности «всеми законными средствами»⁴³. Как бы то ни было, четвертая категория применяется к ситуациям продолжительного вооруженного конфликта между правительственными властями и организованными вооруженными группами или между такими группами, что и представляет собой большинство сегодняшних вооруженных конфликтов.

Некоторые заключительные замечания

После Второй мировой войны понятия военных преступлений, преступлений против человечности и преступлений геноцида, которые принято рассматривать в рамках более общей категории *crimina juris gentium*, получили значительное развитие⁴⁴.

Появление все новых договоров и постоянная деятельность по расширению сферы применения международного права путем создания новых судебных органов и прояснения концепций как правовых положений, так и судебных решений, являются характерными чертами той эволюции, которая описана на этих страницах.

Когда была принята статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала, ее положения о военных преступлениях уже являлись разъяснением общего международного права обычного происхождения. Военные преступления представляли собой нарушения существующих положений *jus in bello*. В Приговоре Нюрнбергского трибунала говорится, что, как было указано, преступления, определенные в статье 6, раздел *b*, Устава, уже были признаны в качестве военных преступлений международным правом. Они закреплены в статьях 46, 50, 52 и 56 Гаагской конвенции 1907 г., и в статьях 2, 3, 4, 46 и 51 Женевской конвенции 1929 г. Тот факт, что нарушение этих положений представляет собой преступление, за которое виновные лица подлежат наказанию, является слишком твердо установленным, чтобы оспаривать его⁴⁵. Как мы, однако, имели возможность убедиться, обычным источникам норм, касающимся военных преступлений, уже около 500 лет.

43 Эти положения, несомненно, должны очень строго толковаться.

44 В. Conforti. Diritto internazionale. Napoli, 1997, p. 204.

45 Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, *op. cit.* (примечание 19), p. 253.

Понятие «преступления против человечности» претерпело большие изменения. В Уставе Нюрнбергского трибунала преступления против человечности увязывались с военными преступлениями (которые, в свою очередь, были связаны с преступлениями против мира). Точкой отсчета служила Вторая мировая война, а преступления рассматривались, только если они были совершены до или во время этой войны. Однако в Приговоре Трибунала предусматривался автономный характер подобных преступлений: Юлиус Штрайхер и Балдур фон Ширах были осуждены исключительно за преступления против человечности⁴⁶. Штрайхер был приговорен за эти преступления к высшей мере наказания. Хотя преступления против человечности явным образом были признаны только после Второй мировой войны, они стали приниматься во внимание значительно раньше, поскольку их считали тесно связанными с принципом гуманности, являющимся краеугольным камнем гуманитарного права. Фон Хагенбах и другие лица, виновные в *crimina juris gentium* в ситуациях войны, мира и в пограничных ситуациях, совершали деяния, которые могут определяться как преступления согласно международному праву. После 1946 г. уже не было никаких сомнений в том, что данная категория преступлений стала частью международного обычного права. Решение МУТЮ по делу Тадича явилось открытым подтверждением этого. В Уставе Трибунала по Руанде преступления против человечности рассматриваются как отдельная категория. Связь с военными преступлениями перестала существовать: статья I Конвенции 1968 г. о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества содержит ссылку на определение преступлений против человечности по статье 6 Устава Нюрнбергского трибунала и завершает формулировку словами «независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время»⁴⁷.

Хотя военные преступления и преступления против человечности и представляют сегодня две самостоятельные категории, нельзя не признать, что в современных конфликтах они часто бывают тесно взаимосвязаны, особенно если речь идет о преступлениях против гражд-

⁴⁶ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, pp. 301–304 and 317–320. См. также L. Oppenheim. International Law. R. Jennings and A. Watts (eds.), part 2, London, 1992, p. 1992, p. 996.

⁴⁷ Принята 26 ноября 1968 г. Цитируется по изданию «Международное гуманитарное право в документах». Москва, Издательство Московского независимого института международного права, 1996, с. 529.

данского населения. Убийство, депортация и другие деяния, перечисленные в длинных списках, включенных в последние документы, являются яркими примерами такой взаимосвязи и частичного совпадения. Четыре Женевские конвенции и Протокол I закрепляют значительное число деяний и ситуаций, которые демонстрируют, что нарушения могут толковаться и как военные преступления, и как преступления против человечности.

Важным вкладом в развитие концепции личной уголовной ответственности стало создание проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, разработанного Комиссией международного права. Уже в статье 1 проектов Кодекса 1951 и 1954 гг.⁴⁸ обуславливалось, что преступления против мира и безопасности человечества являются международно-правовыми преступлениями, за которые индивидуумы, виновные в их совершении, подлежат наказанию. Статья 1 в тексте документа 1996 г. констатирует, что преступления против мира и безопасности человечества являются международно-правовыми преступлениями и наказываются как таковые независимо от того, наказуемы ли они по внутригосударственному праву⁴⁹. Согласно статье 2, преступления против мира и безопасности человечества влекут за собой личную ответственность. Что касается перечня деяний, то в проекте Кодекса учитываются все вышеописанные изменения. Формулировка преступления геноцида (статья 17) отражает содержание Конвенции 1948 г. и повторяет статью 6 Римского статута. Что касается преступлений против человечности, Кодекс (статья 18) содержит добавление о том, что деяния совершаются под руководством или при подстрекательстве правительства или любой организации или группы. Перечень деяний в этом Кодексе, однако, менее подробный, чем в статье 7 Римского статута. Например, преступление апартеида не упоминается в Кодексе отдельно — оно включено в общее положение об «узаконенной дискриминации на расовых, этнических и религиозных основаниях, которая влечет за собой нарушение основных прав и свобод человека и нанесение серьезного ущерба части населения». Перечень военных преступлений более или менее совпадает с тем, который был впоследствии включен в статью 8 Римского статута, однако формулировки более сжаты. При этом для всех различных категорий преступлений отмечается, что дея-

48 Yearbook of the International Law Commission, vol. II, 1954.

49 Yearbook of the International Law Commission, vol. II (2), 1996.

ния совершаются намеренно в нарушение международного гуманитарного права. В проект Кодекса вводится новое положение о защите окружающей среды, где говорится об «использовании в случае вооруженного конфликта методов и средств ведения войны, не оправданных военной необходимостью, с целью причинения долгосрочного, широкомасштабного и серьезного ущерба окружающей среде, что, в свою очередь, является причиной ущерба здоровью и угрозой для выживания населения».

В статье 19 содержится новое положение о преступлениях, совершаемых против ООН и связанного с ней персонала, осуществляемых с целью воспрепятствовать или помешать проведению операции с участием этого персонала. Единственное исключение допускается в случаях, когда персонал участвует в качестве комбатантов в операциях ООН, которые проводятся против организованных вооруженных сил, носят характер установления порядка и санкционированы Советом Безопасности ООН в соответствии с главой VII Устава ООН. В подобном случае применяется право международного вооруженного конфликта. Римский статут обеспечивает защиту персонала ООН в главах 8 (b) iii и (e) iii.

Помимо того, что типология преступлений, которые влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность, стала более широкой и ясно обозначенной, были сформулированы отдельные общие принципы. При рассмотрении деяния бездействие также квалифицируется как преступление. Начиная с решения Военной комиссии США по делу генерала Ямашиты о злодеяниях, совершавшихся против гражданского населения на Филиппинах, непредотвращение преступления рассматривается как правонарушение столь же серьезное, как и само преступление, и заслуживающее столь же сурового наказания. «Когда убийства, изнасилования и злонамеренные акты мести являются широко распространенными преступлениями, а командир не пытается выявлять и контролировать преступные деяния, то такой командир может быть привлечен к ответственности, вплоть до уголовной, за незаконные деяния своих подчиненных»⁵⁰. Тот же принцип изложен в статьях 86 и 87 Дополнительного протокола I и в Римском статуте.

Еще одна тенденция, которую следует упомянуть, говоря о практике кодификации международного права, — это растущая связь между гуманитарным правом и правом прав человека. В самом деле, некоторые

⁵⁰ Judgment of 7 December 1945, UN War Crimes Commission, 4 Law Reports of the Trials of War Criminals, 1948, 3.

из принятых в последнее время положений гуманитарного права явно испытали на себе влияние норм права прав человека и предоставляемой этим правом защиты. В Римском статуте упоминаются такие понятия, как «личное достоинство», запрет на «оскорбительное и унижающее обращение», «судебные гарантии», запрещение «преследования» (определяемого как «умышленное и серьезное лишение основных прав вопреки международному праву по признаку принадлежности к какой-либо группе или общности»), дискриминация и апартеид. Все эти понятия были сформулированы в основных документах ООН, принятых с целью защиты прав отдельных лиц. При этом принцип гуманности составляет ядро международного гуманитарного права и лежит в основе всех эволюционных изменений, которые рассматривались в данной статье⁵¹. Более того, принцип личной ответственности четко установлен гуманитарным правом.

Наконец, договорное и обычное международное право все больше влияют друг на друга. Обычное право стало играть первостепенную роль, поскольку современное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах, не ограничивается более Женевскими конвенциями и Дополнительными протоколами к ним. Обычное право ускорило развитие права вооруженного конфликта, особенно в том, что касается преступлений, совершаемых во время внутренних конфликтов. В этом отношении важную роль сыграло прецедентное право, установленное специальным Трибуналом по бывшей Югославии⁵².

Мы проследили долгий путь, начавшийся в 1474 г. делом Хагенбаха. Однако главная идея, пронизывающая правовое наследие, основы которого были заложены много лет назад и которое с тех пор претерпело изменения, остается прежней: принцип гуманности должен считаться краеугольным камнем системы юридических норм, обеспечивающих защиту от уголовных преступлений, совершаемых отдельными лицами,

51 E. Greppi. *Diritto internazionale umanitario dei conflitti armati e diritti umani: profili di una convergenza*. — *La comunità internazionale*, 1996, p. 473. Библиографию о проблеме взаимосвязи международного гуманитарного права и права прав человека см. в МЖКК, № 22, сентябрь 1998 г., с. 687.

52 См.: L. Condorelli. *Il sistema della repressione dei crimini di guerra nelle Convenzioni di Ginevra del 1949 e nel primo Protocollo addizionale del 1977*. — P. Lamberti Zanardi, G. Venturini, *op. cit.* (примечание 41), p. 26. См. также: T. Meron. *War Crimes in Yugoslavia and the Development of International Law*. — *AJIL*, 1994, p. 70; A. Cassese. *The International Tribunal for the Former Yugoslavia and the Implementation of International Humanitarian Law*. — *Op. cit.* (примечание 3), p. 229.

как в мирное, так и в военное время, будь то международная война или война внутри страны. Это не только моральный долг, но и основное обязательство по международному обычному праву.

Сегодня так же, как и вчера, законы гуманности и «требования общественного сознания» призывают к проведению гигантской работы по пропагандированию принципов и норм, обеспечивающих эффективную защиту отдельных лиц, которые в невероятно возрастающей степени становятся жертвами совершаемого в массовых масштабах насилия. «Мир и безопасность человечества», а также защиту прав человека и суровые санкции против серьезных нарушений гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов, можно отнести к важнейшим достижениям мирового сообщества. Мы выражаем за это признательность прежде всего Международному Комитету Красного Креста, когда отмечаем 50-летие со дня принятия 12 августа 1949 г. Женевских конвенций⁵³.

53 50-летие Женевских конвенций дает почву для размышлений, поскольку «есть годовщины, которые не могут не пробудить в нас воспоминаний о пережитом» (*Ж. Соммаруга. Гуманитарные задачи на пороге XXI столетия. МЖКК, № 8, январь—февраль 1996 г., с. 21*). О роли МККК и ООН см. *H.-P. Gasser. The International Committee of the Red Cross and the United Nations Involvement in the Implementation of International Humanitarian Law. — Op. cit. (примечание 3), p. 259.*

